

Глава 19

Ноги Бинь Сюй подкосились, и она рухнула на пол, не в силах подняться. Воздух в покоях Чэнхуань пропитался густым, тошнотворным запахом крови.

После ухода императора Цзинъюаня надолго воцарилась тишина, нарушаемая лишь стонами и криками. По полу растекались алые лужи.

— Эй, кто-нибудь... — дрожащим, срывающимся голосом позвала Бинь Сюй. — Помогите!

Услышав её зов, слуги из наружных покоев, до этого боявшиеся приблизиться, неохотно вошли внутрь. При виде кровавой бойни они разразились испуганными воплями.

— Замолчите, замолчите!

Бинь Сюй была на грани срыва. К ужасу примешивалась паника. Её длинные, ухоженные ногти были сломаны у самого основания, но она этого даже не замечала. Опираясь на руки слуг, она с трудом поднялась. Подол её платья был испачкан кровью, но ей было не до того.

— Скорее, скорее во дворец Шоукан! Ведите меня во дворец Шоукан!

Оставив позади стонущих слуг, она вцепилась в руку одной из служанок с такой силой, что на коже остались кровавые царапины. Она не смела оставаться во дворце Чэнхуань, и уж тем более не решалась позвать лекаря.

Её сковал страх, что безумный император Цзинъюань вернётся и, решив позабавиться, лишит жизни и её.

Именно эта жестокая игра императора с чужими жизнями сломила волю Бинь Сюй.

Слуги, морщась от боли, но не смея возразить, подавляя рыдания, повели её прочь.

Во дворце Шоукан Вдовствующая императрица сидела с закрытыми глазами, погружённая в свои мысли.

Она только что закончила просматривать список девушек, прошедших предварительный отбор, и отметила несколько имён, которые привлекли её внимание, наказав своим людям присмотреть за ними.

Некоторых из них она собиралась оставить для своего сына, принца Жюя.

Он был её родным сыном, и она, естественно, желала для него самого лучшего.

— Ваше Величество, Бинь Сюй просит аудиенции, — осторожно доложил внутренний прислужник у дверей.

Вдовствующая императрица, не открывая глаз, лениво произнесла:

— Не приму. Уже поздно, какие могут быть встречи?

— Госпожа Бинь Сюй вся в крови, она стоит на коленях у входа...

Вдовствующая императрица резко распахнула глаза, в них мелькнул острый блеск.

— Что ты сказал?

Евнух подробно описал жалкое состояние Бинь Сюй. Вдовствующая императрица подняла бровь и понизила голос:

— Неужели беременна? Невозможно, ведь тогда...

Она осеклась, не договорив, и хлопнула по руке стоявшую рядом придворную даму. Та вышла и вскоре вернулась, ведя за собой Бинь Сюй.

Бинь Сюй была на грани помешательства. Она цеплялась за руку придворной дамы, как за спасительную соломинку. Увидев Вдовствующую императрицу, её пустые глаза загорелись. Собрав последние силы, она оттолкнула служанку и бросилась к ногам своей покровительницы, разразившись громкими, отчаянными рыданиями.

— Ваше Величество... Император сошёл с ума... Он убил всех во дворце Чэнхуань... Ваше Величество, спасите меня!

Вдовствующая императрица, не обращая внимания на кровь, схватила её за руку.

— Что случилось?

Нервы Бинь Сюй, напряжённые до предела, наконец сдали. Она рыдала так сильно, что не могла вымолвить ни слова.

После нескольких безуспешных попыток добиться ответа, во взгляде Вдовствующей императрицы промелькнуло отвращение. Она приказала увести Бинь Сюй и привести в порядок, а затем позвала слуг.

— Отправляйтесь во дворец Чэнхуань. Посмотрите, есть ли выжившие. Если есть, оставьте одного. Остальных добейте.

Она спокойно вытерла пальцы платком и добавила:

— Бинь Сюй пришла одна?

— С ней были две служанки.

— Приведите их.

— Слушаюсь.

Две придворные дамы отправились исполнять приказ: одна поспешила во дворец Чэнхуань, другая — за служанками.

Даже если во дворце Чэнхуань кто-то и выжил, Вдовствующая императрица не собиралась оставлять много свидетелей.

Она никогда не упускала случая ещё больше очернить имя императора Цзинъюаня.

За эти годы его репутация жестокого тирана сложилась не только из-за его собственных безумств, но и благодаря её закулисным интригам.

А безумцу Цзинъюаню было всё равно.

И это было ей только на руку.

Вдовствующая императрица опустила глаза, и лицо её стало ледяным.

Когда Бинь Сюй привели в порядок и успокоили, её снова допустили к Вдовствующей императрице.

За это короткое время та уже успела составить общее представление о случившемся. Теперь она слушала Бинь Сюй лишь для того, чтобы узнать подробности.

Рассказ Бинь Сюй был прерывистым, полным страха. Она то и дело замолкала, бледнея. Лишь спустя долгое время ей удалось связно изложить события.

Вдовствующая императрица задумалась, а затем холодно усмехнулась:

— А я-то думала, императору нет дела до его покойной матушки. Оказывается, он всё ещё о ней помнит!

При этих словах Бинь Сюй пошатнулась.

— Неужели это из-за того, что я расследовала дело Цайжэнь Яо...

— Эта Цайжэнь Яо была непроходимой дурой. Если бы она послушно отдала мне то, что нужно, не оказалась бы в таком положении, — холодно бросила Вдовствующая императрица. — Если бы не моя милость, её бы похоронили в простом гробу, а не устраивали поминальные службы сорок девять дней.

Бинь Сюй поспешно закивала:

— Ваше Величество правы... Но если император узнал о деле Цайжэнь Яо, то... — Она нервно теребила платок, боясь за свою жизнь.

Цайжэнь Яо была двоюродной сестрой Вдовствующей императрицы Цышэн. Бинь Сюй происходила из той же родовой ветви, что и отец Цайжэнь Яо, так что они действительно состояли в дальнем родстве.

Но близких отношений между ними не было.

После прибытия во дворец Бинь Сюй некоторое время пользовалась благосклонностью императора, но, потеряв его милость, быстро перешла на сторону Вдовствующей императрицы. Любовь императора была подобна отражению луны в воде — эфемерна и ненадёжна.

Служить Вдовствующей императрице было куда безопаснее.

Бинь Сюй не раз выполняла её поручения, и расследование дела Цайжэнь Яо не стало исключением. Но после смерти последней дело застопорилось.

Она думала, что после смерти этой старой карги можно будет спокойно обыскать её вещи и найти то, что нужно Вдовствующей императрице. Но в Северных покоях всё было чисто, а некоторые вещи и вовсе пропали.

Бинь Сюй была в отчаянии, боясь не справиться с поручением.

Именно в этот момент во дворце Чэнхуань начали происходить несчастья. Смерть следовала за смертью, и Цю И вспомнила о Цзинчжэ из Северных покоев.

Все погибшие так или иначе пересекались с ним.

Она была проницательна и, вспомнив о Цзинчжэ, припомнила также, что при жизни Цайжэнь Яо кто-то постоянно находился рядом с ней. Проверив, она убедилась в своих догадках и доложила Бинь Сюй.

Бинь Сюй тут же приказала Цю И привести Цзинчжэ. Были у него доказательства или нет, она собиралась запереть его в Северных покоях.

...Если бы в тот день не случилось очередное несчастье, и Бинь Сюй не пришлось срочно бежать к Вдовствующей императрице, оставив Цзинчжэ без внимания...

В тот день Цзинчжэ не смог бы покинуть дворец Чэнхуань.

Позже Цю И снова отправилась за Цзинчжэ по собственной инициативе, но с молчаливого согласия Бинь Сюй.

Неудивительно, что Бинь Сюй была так подозрительна.

Цайжэнь Яо была очень осторожна, её не удалось отравить даже ядом. Если она позволяла Цзинчжэ видеть, как она пользуется серебряными иглами, значит, она ему доверяла.

Слуга, пользовавшийся доверием Цайжэнь Яо, не мог не вызывать подозрений. А то, что он не выдал себя ни единым жестом, делало его ещё более подозрительным.

Бинь Сюй, боясь за свою жизнь и одновременно думая о деле Цайжэнь Яо, поспешила доложить Вдовствующей императрице о своих находках.

— В последние дни из-за смерти Цю И я была в смятении и велела Чаншоу, который тоже из Северных покоев, прощупать его...

— Какая нелепость!

Вдовствующая императрица с презрением посмотрела на Бинь Сюй.

Обычно такая яркая и властная, а в делах — такая мелочная. Она — наложница, госпожа гарема, и чтобы допросить какого-то слугу, прибегает к таким уловкам?

И чего она добилась своими мягкими методами? Неважно, виновен Цзинчжэ или нет, нужно было просто схватить его и допросить. Неужели кто-то посмел бы заступиться за простого слугу?!

Если бы Бинь Сюй доложила об этом раньше, Вдовствующая императрица не позволила бы ей так тянуть.

— Ты не можешь его убить или ранить? Всего лишь внутренний прислужник, а ты не можешь с ним справиться? — отчитала она Бинь Сюй.

Та, и без того напуганная, после этих слов выглядела ещё более жалкой.

В этот момент вернулась придворная дама, отправленная во дворец Чэнхуань.

— Ваше Величество, большинство слуг во дворце Чэнхуань мертвы. Лишь один или двое ещё дышат, им оказывают помощь.

Бинь Сюй побледнела, вспомнив о своих служанках.

— А Чуньянь и Ся Хэ?

— Чуньянь мертва. Ся Хэ жива.

Бинь Сюй пошатнулась, едва не лишившись чувств. Чуньянь была её доверенной служанкой. Пусть они и не были сёстрами, но она очень дорожила ею, и вот...

— Ваше Величество, император так внезапно разгневался именно сегодня. Неужели это из-за того, что я послала Чаншоу проверить Цзинчжэ? Этот Цзинчжэ...

— Ты и вправду думаешь, что император разгневался из-за какого-то Цзинчжэ? — Вдовствующая императрица посмотрела на Бинь Сюй как на умалишённую. — Он просто решил позлить меня!

Знал, что Бинь Сюй — её человек, и всё равно нанёс такой удар!

Бинь Сюй вытерла слёзы. Успокоившись, она поняла, что Вдовствующая императрица права. Но она лишилась своих верных слуг, и теперь ей было трудно даже вести дела. Она была в растерянности.

Вдовствующая императрица потёрла виски и велела Бинь Сюй пока остаться во дворце Шоукан.

Раз уж император так унизил её, она не останется в долгу.

На следующий день Вдовствующая императрица внезапно занемогла. В то же время принц

Жуй, получив её указ, прибыл во дворец, чтобы навестить мать.

Весть о трагедии во дворце Чэнхуань быстро разнеслась по всему гарему. Все были в ужасе. Даже Фэй Дэ, услышав новость, едва не упала в обморок.

Что уж говорить о дворце Сюсю, где жившие там отобранные девушки, ещё недавно радовавшиеся своей удаче, теперь побледнели от страха и не могли найти себе места.

Все шептались: должно быть, Вдовствующая императрица заболела от гнева на жестокость императора Цзинъюаня.

Именно в этой напряжённой атмосфере принц Жуй прибыл во дворец.

Войдя в покои дворца Шоукан, он почувствовал густой запах лекарств. Его неторопливая походка ускорилась, и он поспешил к ложу матери.

— Матушка, вы и вправду больны?

Лежавшая на кровати Вдовствующая императрица была бледна, на лбу выступил пот. Она действительно выглядела больной.

— Глупое дитя, если я не сделаю этого, как ты сможешь попасть во дворец? — она протянула руку, и Хэлянь Дуань помог ей сесть. — Ты же знаешь, этот Хэлянь Жун — коварный и жестокий. Если не разыграть всё как следует, будут проблемы.

Её бледность была всего лишь толстым слоем свинцовых белил.

— Рано или поздно я избавлю вас от этих унижений, матушка, — тихо сказал Хэлянь Дуань.

Вдовствующая императрица с нежностью похлопала его по руке и велела сесть.

— Как твои дела в последнее время?

Хэлянь Дуань кивнул.

— Хоть Ся Ляо и мёртв, Чэнь Сюаньмин сохранил карты, которые тот оставил. Конфискация имущества его не коснулась. Теперь с железной рудой проблем не будет.

— Хорошо! — с удовлетворением сказала Вдовствующая императрица. — А то, о чём я тебя просила, ты выяснил?

— Семья Яо разорена и вернулась на родину. Я послал людей проверить. В доме остались только потомки от наложниц, вся главная ветвь рода прервалась. Что до Вдовствующей императрицы Цышэн, то старый ректор Шэнь всё так же преподаёт в академии Цяньюань и не покидал Таньчжоу. За ним присматривают люди императора.

Вдовствующая императрица Цышэн происходила из рода Шэнь, семьи учёных.

Нынешним главой рода был левый главный цензор Шэнь Цыкунь, старший брат Вдовствующей императрицы Цышэн.

Их отцом был старый ректор Шэнь, который всю жизнь посвятил преподаванию и никогда не занимал государственных должностей.

Вдовствующая императрица вздохнула и опустила глаза.

Хэлянь Дуань, глядя на мать, не выдержал:

— Матушка, почему вы так беспокоитесь о Цайжэнь Яо? Она связана с делом Вдовствующей императрицы Цышэн?

Он смутно догадывался, что между его отцом и Вдовствующей императрицей Цышэн были разногласия, и даже что её смерть была связана с покойным императором. Но такая настойчивость матери...

Вдовствующая императрица взглянула на сына и спокойно произнесла:

— Ты, должно быть, уже догадался.

— ...К смерти Вдовствующей императрицы Цышэн причастны и вы, матушка.

— Верно.

Вдовствующая императрица Цышэн и покойный император были знакомы с детства, их связывала юношеская любовь. Все называли их идеальной парой.

В порыве страсти покойный император даже поклялся быть с ней всю жизнь.

Но чувства остывают, как морской отлив, оставляя после себя лишь разрушения.

Вдовствующая императрица Цышэн долго не могла родить, а покойный император, под давлением двора, начал набирать наложниц.

И эти нежные цветы одна за другой приносили ему детей.

Покойный император всё реже бывал во дворце Вдовствующей императрицы Цышэн, увлекаясь новыми лицами. Но, чувствуя вину, он относился к ней с большим уважением и жестоко наказывал любую наложницу, осмелившуюся проявить к ней неуважение.

Вдовствующая императрица Цышэн не реагировала на увлечения мужа, пока не забеременела.

Голос Вдовствующей императрицы стал глухим и странным.

— Покойный император был вне себя от радости. Он понял, что как бы ни любил он своих наложниц, никто не сравнится с его императрицей. Его Цытун была особенной. Когда она забеременела, он перестал ходить к другим женщинам и всё время проводил с ней, пока она не родила девятого принца.

То есть Хэлянь Жуна.

Покойный император был счастлив, ведь родился мальчик. Это было великое событие. Во дворце несколько дней горели фонари, а по всей стране была объявлена амнистия в честь рождения принца.

Но эта радость была омрачена поведением Вдовствующей императрицы Цышэн.

— Она сошла с ума, — усмехнулась Вдовствующая императрица. — Она не радовалась возвращению мужа, а ненавидела то, что родила его дитя. На третий день после рождения она чуть не утопила Хэлянь Жуна.

Принц Жуй нахмурился. Об этих старых тайнах он не знал.

В прошлой жизни он был слишком занят борьбой с Хэлянь Жуном. Позже тот, в своей жестокости, просто сжёг всё дотла. Получив второй шанс, принц Жуй понял, что был слишком самонадеян и пренебрегал помощью своей семьи.

Следуя по стопам своей прошлой жизни, он собирал под своё крыло упущенные таланты и часто навещал мать, поддерживая их и без того хорошие отношения.

— Значит, отец очень любил Вдовствующую императрицу Цышэн. Тогда почему... — нахмурился принц Жуй. Неужели в прошлой жизни он ошибался, и Вдовствующую императрицу Цышэн убила не отец, а мать?

— Вдовствующую императрицу Цышэн убил и покойный император, и я, — ровным голосом сказала Вдовствующая императрица.

Безумие Вдовствующей императрицы Цышэн не было мимолётным.

Весь дворец следил за ней. Стоило ей остаться наедине с Хэлянь Жуном, как она находила сотни способов его убить. А если появлялся покойный император, она начинала калечить себя.

Со временем её покои превратились в холодный дворец.

Но покойный император раскаялся.

Он чувствовал свою вину перед ней, знал, какой гордой она была, и не мог видеть её страданий. Он приказал лекарям давать ей лекарство.

Постепенно, понемногу.

Лекарство действовало годами. Вдовствующая императрица Цышэн всё чаще спала. Именно в это время к ней приставили Цайжэнь Яо.

Покойный император надеялся, что, видя родное лицо, она обрадуется. Он не хотел, чтобы такая гордая женщина закончила свою жизнь так бесславно.

Он хотел, чтобы она умерла, сохранив достоинство.

Поэтому он скрывал её безумие ото всех.

Но Вдовствующая императрица не могла ждать.

По расчётам покойного императора, Вдовствующая императрица Цышэн должна была умереть через семь-восемь лет. Всё это время, кроме Хэлянь Жуна, в гареме не рождались дети, потому что император больше не посещал своих наложниц.

Как она могла ждать!

— Если бы я не избавилась от Вдовствующей императрицы Цышэн, не было бы и тебя, — спокойно сказала Вдовствующая императрица. — И я бы не достигла своего нынешнего положения!

— Значит, вы искали Цайжэнь Яо, потому что у неё... были доказательства смерти Вдовствующей императрицы Цышэн?

— После смерти Вдовствующей императрицы Цышэн разгневанный покойный император сослал Цайжэнь Яо в холодный дворец. Тогда я не обратила на неё внимания. Но когда этот

негодяй Хэлянь Жун взошёл на трон... — Вдовствующая императрица стиснула зубы. — В прошлом году я узнала, что перед своей смертью покойный император встречался с Цайжэнь Яо.

— Цайжэнь Яо была в ссылке, как она могла покинуть Северные покои? — удивлённо спросил Хэлянь Дуань.

— Она симулировала тяжёлую болезнь, её перевели в другое место. После смерти покойного императора она вернулась, — вздохнула Вдовствующая императрица. — Ты же знаешь, покойный император заболел после поездки, но у него было время написать завещание. Однако он ничего не оставил...

— Матушка, вы подозреваете, что Цайжэнь Яо, имея на руках доказательства вашего участия в отравлении Вдовствующей императрицы Цышэн, в этот решающий момент встретила с покойным императором, чтобы помочь Хэлянь Жуну взойти на трон?

— Должно быть, так!

В то время рядом с Вдовствующей императрицей Цышэн, кроме слуг, была только Цайжэнь Яо. А всех слуг Вдовствующая императрица давно убрала.

Осталась только Яо-цайжэнь!

— Почему же вы раньше мне не сказали, матушка? Я бы помог вам, — вздохнул Хэлянь Дуань. В прошлом году он уже переродился. Если бы она сказала ему раньше, он мог бы что-то предпринять. А теперь уже поздно, Цайжэнь Яо мертва...

Убита его матерью.

Вдовствующая императрица молчала. Если бы Хэлянь Дуань не спросил, она бы не рассказала ему эту старую историю. Ведь отравление Вдовствующей императрицы Цышэн — не то, чем стоит гордиться. Одно неверное движение — и она погубит не только себя, но и сына.

Рассказав о старых делах, Вдовствующая императрица поведала и о событиях прошлой ночи. Хэлянь Дуань слушал с удивлением и хмурился.

— Матушка, — после долгого молчания сказал он, — император, скорее всего, ещё не знает всей правды. Если бы знал, то, учитывая его безумный нрав, он бы не оставил это так.

— Знала бы раньше, оставила бы Цайжэнь Яо в живых, — с сожалением произнесла Вдовствующая императрица. Своими действиями она лишь спугнула зверя и привлекла внимание императора.

Но сделанного не воротишь.

Они с принцем Жуем ещё немного посоветовались, и Хэлянь Дуань убедил её пока не предпринимать никаких действий.

Император Цзиньюань только что устроил бойню, а этот юный евнух Цзинчжэ оказался замешан с обеих сторон. Император наверняка знает о его существовании.

Если Вдовствующая императрица снова попытается что-то предпринять, а императору и вправду небезразлична память о его матери, это может спровоцировать новый приступ безумия.

А если он впадёт в ярость, то, как боялась Вдовствующая императрица, он не пощадит никого.

Она понимала опасения сына и согласилась затаиться.

Раз уж император Цзиньюань не знает правды, то спешить некуда.

Принц Жуй пробыл во дворце Шоукан больше часа, пообедал с матерью и только потом покинул дворец.

Сев в карету, он помрачнел.

Мать, как он и думал, действовала слишком прямолинейно и грубо, не задумываясь о последствиях.

Мягкий боится твёрдого, твёрдый — упрямого, а упрямый — безрассудного. Император Цзиньюань был именно таким — безрассудным. Если он решился на бойню во дворце Чэнхуань, кто мог гарантировать, что он не впадёт в безумие снова?

Принц Жуй собственными глазами видел его безумие в прошлой жизни!

Убить Яо-цайжэнь было приятно, но это привлекло внимание императора Цзиньюаня. Если позволить матери действовать и дальше, последствия могут быть непредсказуемыми.

К счастью, он сегодня прибыл во дворец.

Принц Жуй потёр виски.

Кровавая трагедия во дворце Чэнхуань, благодаря чьим-то стараниям, к вечеру стала известна всему гарему.

Даже Цзинчжэ и другие слуги узнали о случившемся. Он тут же вспомнил о Жун Цзю, которого встретил прошлой ночью.

Неужели он спешил во дворец Чэнхуань?

Гушэн схватил Цзинчжэ за рукав.

— Цзинчжэ, тот евнух третьего ранга, что приходил за тобой, он ведь был из дворца Чэнхуань?

Цзинчжэ помолчал и кивнул.

— Тогда он...

— Боюсь, что да, — поджал губы Цзинчжэ.

Говорили, что выжили всего один или два человека, остальные погибли.

Неизвестно, жив ли Чаншоу.

Хоть он и изменился, Цзинчжэ не был бессердечным и пытался разузнать новости, но сейчас всё было засекречено.

Возможно, чтобы успокоить новоприбывших девушек, Фэй Дэ устроила пир в императорском саду.

Все отобранные госпожи должны были присутствовать, а вместе с ними и их слуги. Во дворце Сюсю остались лишь три-четыре евнуха для уборки, и Цзинчжэ был одним из них. Даже Гушэна забрали помогать.

Обычно шумный дворец Сюсю впервые был таким тихим.

— Давайте, пока никого нет, закончим уборку, и дело с концом, — бодро сказал Юнькуй.

Оставшиеся не любили суету и были трудолюбивы. Услышав его, они взяли инструменты и разошлись.

Цзинчжэ достался задний двор.

Он добросовестно подмёл свою территорию, а затем мысленно обратился к системе.

«Хоть ты и бесполезен, можешь ли ты определить, следят ли за мной?»

«...»

Зачем оскорблять!

[Нет.]

Чем меньше людей вокруг, тем меньше нагрузка на систему. Цзинчжэ не понимал почему, но чувствовал это.

Он не мог упустить такой редкий шанс.

Убедившись, что за ним никто не следит, Цзинчжэ, прихватив инструменты, направился в указанное Цайжэнь Яо место.

— Восьмая синяя плитка у тропинки.

Он свернул на неприметную тропинку и принялся считать плитки, почти неотличимые по цвету.

...Шесть, семь, восемь.

Цзинчжэ остановился. Его пальцы ощупали края плитки. Она сидела крепко. Он достал из-за пазухи тонкий железный прут и поддел край.

Раздался скрежет. После недолгого усилия плитка немного поддалась. Цзинчжэ тут же ухватился за неё и потянул.

Он был не из слабых и сумел вытащить плитку.

Только тогда он заметил, что эта плитка отличается от остальных. С обратной стороны в неё был вмонтирован небольшой ящичек.

Цзинчжэ замер. Как его достать?

Он был почти слит с камнем. Чтобы его вынуть, нужно было разбить плитку. Но тогда все догадаются, что здесь что-то было.

Но если не забрать сейчас, другого шанса может и не быть!

Пока он колебался, он заметил на поверхности ящичка круглое углубление.

Знакомая форма... Неужели... Он достал из-за пазухи зелёное нефритовое кольцо лучника.

С тех пор как он понял, что в Северных покоях небезопасно, он носил все ценные вещи с собой.

Он осторожно вставил зелёное кольцо в углубление.

...Оно вошло идеально.

Крышка щёлкнула и приоткрылась.

Цзинчжэ открыл ящичек, но не успел разглядеть содержимое, как услышал вдалеке шаги. Он тут же выхватил всё, что было внутри, сунул за пазуху и, даже не забрав кольцо, задвинул плитку на место.

Когда хозяин шагов свернул на тропинку, он увидел, как Цзинчжэ сметает пыль с земли.

— Цзинчжэ, закончил? — спросил Юнькуй, вытирая пот.

— На тропинке ещё не убрано.

— Пойдём, всё равно сегодня после пира у госпож не будет времени гулять. — Юнькуй, хоть и был трудолюбив, не хотел работать на солнцепёке. К апрелю уже становилось жарко. — Пойдём, отдохнём.

Цзинчжэ кивнул и, убрал мусор, неторопливо последовал за ним.

Только умываясь, он почувствовал запоздалый страх.

Зелёное кольцо ему дал Чжу Эрсю.

А Чжу Эрсю дал ему его по просьбе Чэнь Аня.

Но плитку он нашёл по подсказке из мешочка Цайжэнь Яо. Почему же ключ от ящичка оказался от Чэнь Аня?!

...Неужели подсказка Яо-цайжэнь была предназначена именно ему?

Цзинчжэ сгорал от любопытства, желая узнать, что он нашёл. Он рассеянно переговаривался с Юнькуем и остальными. Вдруг он увидел, как к ним приближается придворная дама из дворца Сюсю с двумя служанками.

Юноши тут же вскочили и поклонились.

Придворная дама оглядела их и выбрала Цзинчжэ.

— Служанка госпожи Хуан сломала ногу, перенося вещи. Госпожа Хуан желает, чтобы теперь ей прислуживал евнух. Это будешь ты.

Цзинчжэ с трудом выдавил из себя радостную улыбку.

Юнькуй и остальные смотрели на него с завистью, считая, что ему повезло. Придворная дама велела одной из служанок проводить Цзинчжэ, чтобы он собрал вещи. Отныне он будет жить в домике за дворцом Сюсю, чтобы быть поближе к госпоже.

Цзинчжэ согласился. Возвращаясь за вещами, он встретился взглядом с Минъюем и незаметно передал ему всё, что было у него при себе.

Во всём дворце он доверял только Минъюю. Если и ему нельзя верить, то ему давно пора умереть.

Так Цзинчжэ поселился во дворце Сюсю. Он усердно работал и лишь изредка привязывал к своим вещам тонкий волосок. Пару раз он находил его оборванным и понимал, что его вещи обыскивали.

Хуан Ицзе была мягкой по характеру, не придиралась к слугам, часто одаривала их и делилась едой.

Она была популярна во дворце Сюсю, и к ней часто приходили гости.

Цзинчжэ, как один из её слуг, запомнил множество имён и научился терпеть приторный запах румян.

В последние дни чаще всего говорили об императоре Цзинъюане.

Случившееся во дворце Чэнхуань напугало многих девушек, но на пиру, устроенном Фэй Дэ, император Цзинъюань удостоил их своим присутствием на четверть часа.

Хоть и ненадолго, но это произвело на многих неизгладимое впечатление.

Цзинчжэ часто слышал, как они обсуждают его красоту, высокомерие, холодность, властность...

И каждый раз хмыкал про себя.

Красота?

Разве он может сравниться с Жун Цзю? Если бы Жун Цзю показал своё лицо, все бы ахнули от восхищения.

Высокомерие и холодность?

И в этом он уступает Жун Цзю.

Жун Цзю только выглядит холодным, а на самом деле он неплохой человек, говорит вежливо и мягко.

Правда, недавно Цзинчжэ обнаружил, что он бывает довольно злым и любит пугать людей до полусмерти.

При мысли о Жун Цзю он вздохнул.

В прошлый раз они случайно встретились во дворце, но так и не поговорили.

Может, он тогда обиделся?

Размышляя об этом, он нанёс на палец толстый слой мази.

Его палец, который чуть не раздавили, распух и покраснел. Мазь из нефритового флакончика, который дал ему Жун Цзю, оказалась не той, что от обморожения, хоть флакончики и были похожи.

Щедро смазывая палец, Цзинчжэ надеялся, что тот скоро заживёт.

Он не хотел так расточительно использовать мазь, но, вспомнив холодное хмыканье Жун Цзю, не мог понять, на что тот злится, и пытался хоть как-то загладить свою вину...

Когда рана заживёт, он ведь перестанет злиться?

Эх, скучаю по Жун Цзю.

В «мыслях» о Жун Цзю дни во дворце Сюсю пролетели быстро. Настал день последнего этапа отбора.

Оправившаяся от болезни Вдовствующая императрица отобрала для императора Цзиньюаня двадцать девушек, включая Хуан Ицзе.

Затем она принялась неторопливо выбирать жён для других членов императорской семьи.

Стоя у входа в зал, Цзинчжэ мысленно торговался с системой.

«Я знаю, что это проклятое задание провалится, потому что это должен делать принц Жуй, а не я! Это твоя ошибка, так что будь добр, выбери нормальное наказание!»

Он выпалил это на одном дыхании и едва не задохнулся.

Система сухо ответила:

[Система не имеет права вмешиваться.]

Цзинчжэ улыбнулся:

— Умри.

И принялся мысленно тыкать в систему иголки.

Отбор, длившийся больше месяца, закончился в середине апреля.

Хоть и долго, но по сравнению с прошлыми годами, всё прошло быстро. Император Цзиньюань не проявил к отбору никакого интереса и, отвергнув идею Вдовствующей императрицы о назначении новой императрицы, остался равнодушен к выбранным девушкам.

Разумеется, кандидатурой на пост императрицы была Хуан Ицзе.

Но раз император был против, Вдовствующая императрица не могла настоять.

Двадцать отобранных девушек, так и не получив рангов, остались жить во дворце Сюсю.

Цзинчжэ и ещё одна служанка продолжали прислуживать, не имея возможности вернуться в Управление по надзору за дворцовыми залами.

Цзинчжэ мысленно поразился коварству.

Он не верил, что его выбрали прислуживать Хуан Ицзе случайно. Бинь Сюй была человеком Вдовствующей императрицы. Неужели та не знала о её подозрениях?

Вхождение Хуан Ицзе во дворец было решённым делом. Когда она получит ранг, то, при распределении слуг, сможет просто сказать, что ей понравились прежние, и так оставить Цзинчжэ у себя.

С Бинь Сюй ещё можно было справиться, но с Вдовствующей императрицей...

Цзинчжэ потрогал свою шею. Не такая уж она и крепкая.

— Указ Вдовствующей императрицы!

Восемнадцатого апреля наконец прибыл указ из дворца Шоукан.

Хуан Ицзе назначалась гуйфэй и получала дворец Чжунцуй. Цзинь Юньчжу — бинь, дворец Сяньфу. Ши Цзецзяо — цзеюй, дворец... Когда евнух закончил, кто-то радовался, а кто-то горевал.

Получив ранги и покои, новоиспечённые госпожи не могли больше оставаться во дворце Сюсю.

Во дворце снова началась суета.

Цзинчжэ и другая служанка собирали вещи.

И тут запоздавшая система наконец подала голос.

[Задание 5 провалено.]

[Случайный эффект: Лучше мамы в мире нет.]

[Эффект: В течение 48 часов (около 2 дней) все, кто увидят носителя, будут испытывать к нему крайнюю степень защитного инстинкта, желая оберегать и заботиться о нём, как мать о ребёнке.]

Цзинчжэ замер.

А?

Что?!

Он ещё не успел переварить эту ужасную новость, как работавшая с ним служанка Юэюнь схватила его за руку.

— Цзинчжэ, что ты делаешь? Иди отдохни, я всё сама сделаю, — с болью в голосе сказала она.

— Но, сестра Юэюнь, это моя работа...

Он попытался забрать у неё узел, но не смог.

Хрупкая Юэюнь вдруг обрела нечеловеческую силу.

В тёмных глазах Цзинчжэ плескалось недоумение.

А???

[Мать, защищая своего ребёнка, способна на невероятное,] — меланхолично пояснила система.

— Ещё слово, и я покончу с собой, провалив все твои задания, — зловеще пригрозил он.

Не нужно мне это знать, спасибо!

Цзинчжэ пришлось идти следом за Юэюнь. Выйдя из комнаты, он столкнулся с Хуан Ицзе и её слугами.

Он инстинктивно попытался спрятаться за Юэюнь.

Но как хрупкая Юэюнь могла скрыть высокого Цзинчжэ?

Хуан Ицзе тут же его заметила. Её улыбка стала ещё шире, глаза наполнились невероятной

нежностью.

— Цзинчжэ, мой хороший, ты так хорошо служил мне. Хочешь награду? Ста лян золота хватит?

При слове «хороший» Цзинчжэ передёрнуло. Ему показалось, что мозг вот-вот взорвётся.

— Это мой долг, госпожа. Если и говорить о награде, то я бы хотел вернуться в Управление по надзору. Не соблаговолит ли госпожа исполнить мою просьбу?

За спиной Хуан Ицзе стояла придворная дама из дворца Сюсю. Её обычно суровое лицо смягчилось, и она смотрела на Цзинчжэ не моргая, совсем не так, как полдня назад, когда холодно объявляла им, что они переходят в услужение к Хуан Ицзе.

Хуан Ицзе нахмурилась, но затем вздохнула и мягко кивнула.

— Раз уж ты этого хочешь, я, конечно, согласна.

Она шагнула вперёд, чтобы взять его за руку. Цзинчжэ в ужасе отпрянул и едва не врезался в дверь. Трое слуг тут же бросились к нему, предлагая свои тела в качестве подушки.

Даже Хуан Ицзе кинулась к нему.

Цзинчжэ мысленно взмолился: «Спасите!»

Ещё два дня, и либо они сойдут с ума, либо я.

Получив разрешение, Цзинчжэ мог покинуть дворец Сюсю, но из-за «баффа» все, кто его видел, тут же обращали на него внимание.

Стоило ему ускорить шаг, как его останавливали, говоря, что это опасно.

Цзинчжэ хотелось кричать.

А-а-а, я убью тебя, система!

Система молчала, как рыба.

С огромным трудом Цзинчжэ вырвался из дворца Сюсю. Он не смел идти по людным местам, пробираясь окольными путями. Только убедившись, что за ним никто не следует, он перевёл дух.

В таком состоянии, где ему спрятаться?

В Управление нужно явиться, но там много людей. При воспоминании о том, что творилось во дворце Сюсю, у него волосы вставали дыбом.

Может, вернуться в Северные покои?

Там людей меньше, все свои, может, не будут так сходить с ума... наверное?

— Что не будет так сходить с ума?

Цзинчжэ, и без того на взводе, от неожиданности чуть не запустил в говорившего своим узелком. Лишь в последний момент, узнав голос Жун Цзю, он замер.

— Ты что здесь делаешь? — вырвалось у него, и тут же он изменился в лице. — Стой, не подходи, не смотри на меня!

Он закрыл лицо руками, пытаясь вжаться в стену.

Жун Цзю поднял бровь и, вместо того чтобы отступить, шагнул вперёд.

За спиной была стена, бежать некуда. Цзинчжэ, прижимая к себе узелок, съёжился, стараясь держаться от Жун Цзю как можно дальше.

Он прекрасно помнил, как тот, выглядя спокойным и невозмутимым, в следующую секунду мог проявить невероятную силу.

Жун Цзю смотрел на него сверху вниз.

Цзинчжэ был по-своему красив.

Мягкие черты лица, но в улыбке — хитринка, как у проворного зверька. Нежный и трогательный.

Жун Цзю нахмурился. Трогательный?

Когда это он стал так думать о Цзинчжэ?

Ему не понравилось это чувство. Возникло желание схватить за горло, задушить эту зарождающуюся нежность.

Он прислушался к странным переменам в себе и спокойно спросил:

— Возвращаешься в Северные покои?

Видя спокойствие Жун Цзю, Цзинчжэ выпрямился и, поколебавшись, решил довериться его самообладанию.

...Да и выбора не было, он всё равно не мог с ним справиться.

— Сначала... сначала вернусь, а потом попробую отпроситься из Управления.

— Хм. В Управлении так хорошо?

— Так себе, отбываю повинность. Я... — Цзинчжэ осекся, прикусив язык.

Он не говорил Жун Цзю, что переходит в Управление!

Он с запозданием понял, на что тот злился в прошлый раз.

— Я не то чтобы не хотел тебе говорить, просто... — сухо начал он.

— Просто я был занят, и мы не виделись, — спокойно закончил за него Жун Цзю. — Поэтому ты даже записки не оставил.

Цзинчжэ почувствовал укол совести.

Всю дорогу обратно он, как провинившаяся жена, плёлся за Жун Цзю и бормотал извинения.

Даже забыл спросить, что тот делал в том месте.

Но когда он уже переступил порог узких ворот Северных покоев, его резко дёрнули за руку.

Он обернулся и встретился с тёмными глазами Жун Цзю.

В ледяных зрачках отражался маленький Цзинчжэ. Жун Цзю властно, но в то же время нежно, притянул его к себе. Длинные пальцы коснулись его лица, бровей.

— Я не хочу, чтобы ты уходил.

Мужчина говорил спокойно и прямо.

— Я хочу спрятать тебя.

Его рука опустилась на спину Цзинчжэ, заключая его в почти интимные объятия.

— Чтобы никто не видел.

Он с трудом сдерживал себя, его пальцы грубо сжали талию Цзинчжэ.

— Эта жажда, столь сильная и необъяснимая... Цзинчжэ, ты знаешь... почему?

Прохладные слова, как зимний мороз, вызывали мороз по коже.

Цзинчжэ попытался вырваться из его железной хватки, но тщетно. Сила «баффа» делала его совершенно беспомощным.

— Я думаю... — не в силах вырваться, Цзинчжэ тут же сник и послушно проговорил, — Жун Цзю нужно хорошо отдохнуть, побольше спать, и тогда таких заблуждений не будет.

— Заблуждений?

Мужчина склонил голову.

Прекрасное лицо так близко... Цзинчжэ чуть не задохнулся. Собрав остатки воли, он твёрдо кивнул.

— Заблуждений!

Вспомнив про «крайнюю степень защитного инстинкта», он скривился. Положив руки на плечи Жун Цзю, он, забыв про упавший узелок, заговорил серьёзно и убедительно.

— Жун Цзю, мы ведь друзья. А у друзей не бывает такой собственнической жажды, верно? Я дружу с Миньюем, и у нас нет таких сильных чувств. Значит, это всё заблуждение. Отпусти меня, мы оба пойдём и хорошенько выспимся...

Никогда ещё язык у Цзинчжэ так хорошо не подвешивался.

«Бафф» «Лучше мамы в мире нет» был странным и превращал всех, кто видел Цзинчжэ, в одержимых маньяков.

Он мысленно каялся в своих грехах.

— ...Так что сейчас ты пойдёшь домой...

Жун Цзю бесцеремонно зажал ему рот.

— Шумно.

И его холодные пальцы легли на его затылок.

В глазах Цзинчжэ стояли слёзы. Он цеплялся за последнюю ниточку разума.

Как жестоко.

Разве можно применять грубую силу?

Он очнулся в совершенно незнакомом месте.

Просторные покои, скорее всего, флигель какого-то дворца. Чистые балки под потолком говорили о том, что за помещением хорошо ухаживают.

...Где это он?

Кто такой Жун Цзю? Неужели он настолько знатен, что может свободно перемещаться по дворцу?

Цзинчжэ потёр затылок, который всё ещё болел.

Двинувшись, он почувствовал что-то неладное.

На лодыжке висела какая-то тяжесть. Раздался резкий, металлический лязг.

Он откинул одеяло и увидел на правой лодыжке железное кольцо.

Словно пойманного зверька, его приковали к кровати. Длинная цепь тянулась к изножью.

Он подполз к краю кровати и с силой дёрнул цепь.

Она не поддалась.

— Не может быть... Неужели Жун Цзю не просто привёл меня в какой-то дворец, а вывез из него?

Эта мысль была ещё более абсурдной, чем предыдущая.

Но откуда тогда эта кровать, эта цепь, это кольцо?

Пока Цзинчжэ, отчаянно дёргая цепь, пытался освободиться, за пологом кровати стояла тёмная фигура и молча наблюдала за ним.

— Когда я увижу Жун Цзю, я ему... — пробормотал он, поворачиваясь.

— Что ты мне сделаешь? — мягко спросил Жун Цзю.

Цзинчжэ замер и опустил голову.

Он выглядел испуганным, как жертва, ожидающая заклания, с покорно обнажённой белой шеей.

— Ничего, — пробормотал он.

А что он мог сделать? Вскочить и избить его? Почему «бафф» так странно подействовал на Жун Цзю?

Неужели, если у него когда-нибудь будут дети, он тоже будет держать их в цепях?

Так нельзя!

Цзинчжэ мысленно тряс Жун Цзю за плечи.

Жун Цзю никогда не знал материнской любви.

Он даже не знал, что такое мать.

Искажённый «бафф», попав на искажённую личность, лишь заставил семена, уже таившиеся в его крови, прорасти и дать ядовитые, тёмные цветы.

Пальцы мужчины за его спиной подрагивали от нетерпения.

Чем больше он уклонялся, чем осторожнее себя вёл, тем сильнее разжигалось желание мучить его.

Сломить, прижать, сорвать маску — эта жестокая, безумная жажда пульсировала в его жилах.

Его чувства были жестоки, его любовь — извращена.

Тот, кто осмелится вкусить её плод, получит лишь безграничную злобу.

— Которая разорвёт и уничтожит его.

Цзинчжэ смотрел, как мужчина откидывает полог. Он инстинктивно отполз вглубь кровати. Это движение, казалось, что-то в нём сломало. Жун Цзю схватил холодную цепь, обмотал её вокруг пальцев и с силой дёрнул.

Цзинчжэ никогда не думал, что окажется в такой унижительной и неловкой ситуации с Жун Цзю.

Когда его потащили за цепь, схватили за пальцы ног, с силой сжимая кости, когда над ним нависла тёмная тень, он всё ещё надеялся, что Жун Цзю очнётся.

Лодыжка болела.

Места, которых он касался, болели.

Но больше всего болела совесть.

Холодные пальцы сжали его лицо. Жун Цзю молча смотрел на него, на его губы, всё ещё пытавшиеся что-то сказать.

В его глазах мелькнула ярость. Он схватил Цзинчжэ за волосы, запрокинув ему голову. В следующую секунду губы обожгла резкая боль.

Жун Цзю прокусил ему губу.

Цзинчжэ отчаянно забился, но это было всё равно что пытаться сдвинуть гору. От боли он заплакал. Жун Цзю слизал его слёзы, а затем острые зубы впились в кожу у уголка глаза, оставляя алый след.

Это был не поцелуй. Это было нападение хищника.

Губы — лишь первый шаг.

Затем — разорвать, сокрушить, поглотить до последней косточки.

<http://bllate.org/book/16993/1584997>